

УДК 81'367.625:811.161.1'04

ГЛАГОЛЫ РЕЧИ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Е.В. Шейко

ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону

В статье рассматриваются глаголы речи древнерусского языка с точки зрения их организации в функционально-семантическое поле, их классификации на основе теории речевых актов, а также их способности характеризовать человека как языковую личность.

Ключевые слова: глаголы речи, лексико-семантическая группа, сема, речевой акт, функционально-семантическое поле.

Verbs of Speech in Old Russian

Elena V. Sheyko

Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article studies a semantic group of the verbs of speech in Old Russian. The author proves that they form a functional semantic field. They can be also classified according to the theory of speech acts. The article analyses their potential to characterize a speaker using them as a language personality.

Key words: verbs of speech, lexical semantic group, seme, speech act, functional semantic field.

Объем и границы семантического класса слов-глаголов со значением речи, принципы выделения их в отдельную группу до сих пор не описаны достаточно полно в современном русском языке, а тем более в древнерусском языке. К словам этой группы ученые подходят с нескольких позиций: во-первых, с точки зрения семантики, выделяя общие и дифференциальные семы и на этом основании объединяя их в семантические группы; во-вторых, с точки зрения участия их в акте коммуникации; в-третьих, с точки зрения восприятия и воспроизведения их индивидуумом. Анализ слов этой семантической группы проводится также в диахронии: рассматривается их происхождение и деривационные связи, функции в текстах различных жанров, анализируется соотношение древнерусских глаголов речи со словами этой же группы в старославянском языке и других славянских языках и т.п.

Описывая семантический класс глаголов речи в русском языке, Л.М. Васильев за основу принимает тот факт, что ядро данного класса в современном русском языке составляют глаголы, «синонимизирующиеся» с различными значениями глагола «говорить». Причем, как полагает автор, именно глагол «говорить» является наиболее общим обозначением

способности человека (в отличие от других живых существ) передавать факт речи. Его глобальное значение – выражать посредством устной речи какие-либо мысли с целью их сообщения кому-либо, а отдельные его значения «характеризуют ту или иную сторону процесса речи (акустическо-физиологическую, коммуникативную и т.д.)» [2. С. 214]. В этом смысле глагол «говорить» представляет архисему глаголов, входящих в лексико-семантическую группу глаголов речи.

Класс глаголов речи, как отмечает И.Н. Кобозева, можно представить с точки зрения функционально-семантического поля, ядро которого составляют глаголы, дающие положительный результат при применении к ним семантических тестов двух видов: вопросно-ответного и имплицативного. Так, например, компонент «говорить (=осуществлять речь)» в значениях глаголов *говорить, произносить, разговаривать, тараторить, мямлить, бурчать, бубнить, ворчать* и т.п. является ядерным.

На периферии этого класса располагаются глаголы, у которых сема «говорить» входит в пресуппозиционную часть их значения, например, *лгать, оговариваться*; глаголы, вступающие с «говорить» в отношения несовместимости, например, *печатать (на машинке), писать, ахать*; глаголы-оперативы, у которых сема говорения является потенциальной: *назначать, декретировать, декларировать и др.*; глаголы, у которых на сему говорения наслаивается комментаторная сема «быстро», «медленно», «невнятно» и др. [3. С. 95-103].

Если принять за основу эту точку зрения, то в древнерусском языке также можно выделить глаголы ядерной зоны: *глаголати, речи, мълвити, сказати, повѣдати, отвѣчати*, а на периферию можно отнести глаголы *лѣгати, клати, оклеветати, молити, воспѣвати, нарекати, похвалити, писати*. К периферийной зоне также следует отнести глаголы речевого воздействия *възглаголати, възгласити, въззвати, възкликноүти, възклицати, възъпити, въпити, глашати, призвати, призывати, проповѣдати, сълагати*, подробно рассматриваемые в работе А.А. Неняевой [5. С. 455], так как все данные глаголы помимо семы речевого сообщения содержат сему эмоционального воздействия на адресата речи. Однако следует также учитывать, что границы между ядром и периферией подвижны, так как контекстное окружение глаголов может менять их значение.

Так, например, в Словаре древнерусского языка (СДРЯ) у глагола *глаголати* зафиксировано четыре значения, одно из которых – «наговаривать на кого-л.: **кнѣзи на мѣ глаголахоү. и кнѣзи пѣгнаша мѣ**

МПр XIV, 14» [7]¹. В данном значении актуализируется и выступает на первый план дополнительная коннотативная сема «клеветать, оговаривать кого-л.», что позволяет отнести глагол к периферийной зоне.

Аналогично слово **ВЪЗГЛАГОЛАТИ**, основным значением которого является «заговорить, начать говорить», в контексте приобретает значение «донести на кого-л., обвинить»: **аще на еп(с)па възглаголють. и съшьдъшесѧ еп(с)пи того епархиа соудати** КЕ XII, 172б» [7]. Это значение переводит глагол из ядерной зоны в периферийную.

Следует отметить также, что объем и ядерной, и периферийной зоны в древнерусском языке гораздо уже, чем в современном русском языке, что объясняется, с одной стороны, отсутствием некоторых понятий и явлений в жизни людей того времени, а с другой – тем, что перечень глаголов составлялся по данным письменных источников, которые не могли отражать в полном объеме весь словарный запас их создателей.

Анализ этой группы глаголов с точки зрения теории речевых актов показывает, что такие слова, как **речи, глаголати, молвити** и некоторые другие не относятся к речевому акту, так как не содержат специфицированной характеристики речевого намерения говорящего.

Под речевым актом, в соответствии с традиционным определением, мы понимаем «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами речевого акта являются: намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность» [4. С. 412-413]; одной из задач речевого акта является воздействие на мысли адресата, когда он интерпретирует высказывание говорящего. Эту задачу не решают названные выше глаголы **речи, глаголати, молвити**.

Однако нельзя не согласиться с Е.С. Рудыкиной, анализирующей Житие Михаила Ярославича Тверского и отмечающей, что в определенных контекстах данные глаголы изменяют семантику: **глаголати** и **речи** используются как средство характеристики внутреннего состояния, размышлений героев житийного повествования в переломные моменты их жизни, ... в проповеднических контекстах **глаголати** и **речи** вводят наставления отцов церкви, ... в панегирических высказываниях **глаголати**, эксплицируя процесс говорения, может передавать обращение святого

¹ Здесь и далее примеры из текстов приведены по Словарю древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988. Электронный ресурс Интернет: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2641> – (СДРЯ)

Михаила Ярославича Тверского к Всевышнему и служит для ввода длинных молитвенных монологов» [6. С. 70]. Данные контексты свидетельствуют о том, что слова *глаголати* и *речи* при определенных условиях употребления приобретают способность выражать мнение и намерение говорящего, а следовательно, их можно рассматривать в группе глаголов речевого акта.

Слова *клати, молити, похвалити, осуждати, воспѣвати, повелевати, позвати, оклеветати, въноушити, обадити* и другие можно отнести к речевому акту, так как они называют цель, намерение говорящего, ради чего и произносится высказывание.

Если же воспользоваться предложенной Ю.Д. Апресяном схемой характеристики человека [1] и проанализировать древнерусские глаголы речи, то можно обнаружить следующее: большинство глаголов имеет числовые характеристики, но при этом обозначает действия, которые могут характеризовать как одно лицо, так и несколько: *кричати, повѣдати, молити, речи, оклеветати* и др. И не встретилось нам в памятниках письменности ни одного глагола, который характеризовал бы только одного субъекта (ср. *сетовать* в русском языке).

Глаголы речи могут иметь определенную цель действия, например: *Къ семоу юще не красти. не лъгати. не оубити. не обадити. не обидѣти. СбТр XIII/XIII, 57 об.* [7]. Здесь глаголы *лъгати, обадити* употребляются с целью предупреждения нарушения христианских заповедей. Или определенную мотивировку: *и шьдъ близъ юго. моли и да повѣсть си им Пр 1383, 84б* [7], где мотивировкой является желание поделиться информацией в расчете на понимание и какой-либо результат.

С точки зрения характеристики объекта действия, глаголы речи делятся на те, которые направлены только на одушевленный объект: *проклати, оклеветати, зазьрѣти* и др. (*придоша когда нѣции юретици. къ аввѣ поуминоу. и начаша оклеветати. архикп(с)па александрескаго. ПНЧ 1296, 96 об. – 97* [7]), и на те, которые направлены как на человека, так и на неодушевленный предмет: *осуждати, роугати, бранити* и др. Так, например, в предложении *хочеш ли соудия быти. себѣ боуди и своимъ грѣхомъ. никто же ти не бранить. Изб 1076, 98* действие, выраженное глаголом *бранити*, направлено на человека, а в предложении *не бранилъ бы законъ самовластно. аще бы другъ друга не губили. МПр XIV, 24 об.* [7] глагол *бранити* сочетается с существительным *законъ*, следовательно, его действие направлено на неодушевленный объект.

Некоторые глаголы речи в древнерусском языке имеют адресата: *молити, просити* (молити бога за ма и за моѣ дѣти Гр ок. 1130 [7]), а такой глагол, как *воспѣвати*, может его не иметь (и обнощѣ воспѣвати поустошно.).

Следует также отметить, что в памятниках письменности XI-XIV вв. не встречаются глаголы речи, имеющие отрицательную эмоциональную окраску, аналогичные русским глаголам *хныкать, ныть, скулить, пилить, грызть* (в значении *ругать*) и др., что, на наш взгляд, объясняется письменным характером памятников. Возможно, в живой речи и употреблялись подобные слова, но они не нашли отражения в текстах. Кроме того, частотность употребления глаголов речи в древнерусских памятниках зависит от их жанра. Чаще всего они встречаются в летописях, поучениях, житиях и почти отсутствуют в духовных, деловых, договорных и торговых грамотах.

Библиографический список

1. *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37-67.
2. *Васильев Л.М.* Семантика русского глагола. Учеб. пособие для слушателей фак-тов повышения квалификации. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
3. *Кобозева И.Н.* О границах и внутренней стратификации семантического класса глаголов речи // Вопросы языкознания. 1985. №6. С. 95-103.
4. Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
5. *Неняева А.А.* Функционирование семантического класса глаголов речевого воздействия в старославянских и древнерусских письменных памятниках XI–XVII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №6 (2). С. 455-458.
6. *Рудыкина Е.С.* Семантика глаголов речи в летописном тексте // Вестник ВолГУ. Серия 2. Выпуск 4. 2005. С. 67-71.
7. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988. Электронный ресурс Интернет: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2641>.